

Ключевые слова: политическое сознание, политические чувства, политическая культура, политическая социализация.

Bereza V. A. Person as subject and object of politics and political socialization.

Political socialization is aimed at the formation of personality in order to increase its political consciousness as an important element of interpersonal relationships. The political consciousness of the individual reproduces the political life of the society in the form of specific feelings, moods, attitudes, knowledge and ideas. As a subjective image of the political system of political consciousness consists of various ideological and psychological components. Among the latter an important role in the life of a man playing the political feelings and emotions. That political consciousness and political feelings of people today is perhaps the most important factors in the formation of a political culture that not only determines the political consciousness and political action. Political activity regulates the political relations in the society by fostering mutual understanding between citizens, their communities and the authorities.

Keywords: political consciousness, political sense, political culture, political socialization.

Игнатъев В. А.

«ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ» ТУПИКА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена анализу постмодернизма западноевропейской философии и дискурса постнеклассической парадигмы постсоветской философии с точки зрения постфилософии. Автор доказывает, что оба дискурса исходят из противоположных посылок, задач и формы выражения, но представляют единство философского тупика, результатом которого есть теоретическое оправдание хаоса и в онтологии, и в общественной жизни.

Ключевые слова: постфилософия, постмодернизм, постнеклассическая парадигма, синергетика, классическая философия, неклассическая философия.

Когерентность философских концепций событиям реальной, общественной жизни, конечно же, не имеет абсолютной тождественности. Тем не менее, очень часто реализация исторических проектов в той или иной форме (политической, экономической, религиозной, научной и т.д.) имеет под собой довольно таки хорошо подготовленную интеллектуально-культурологическую почву.

Поэтому философские идеи, как никакие другие, ответственны за события, которые происходят или могут происходить в обществе. И тупиковые философские концепции, как никакие другие, отражают, или могут отражать, общественные тупики.

Целью исследования есть анализ двух самых популярных философских течений в западноевропейской и постсоветской философии конца XX – начала XXI века с точки зрения философской перспективы. Одно из них осознавало свою тупиковость, а другое до сих пор является популярным и развивающимся в контексте наиболее современного философского развития.

Объектом исследования есть постмодернизм и постнеклассическая философская парадигма. Именно эти два течения называют вершиной современной философии. Оба дискурса исходят из противоположных посылок, задач и формы выражения. Однако предметом нашего анализа есть тезис, который утверждает, что эти два, на первый взгляд даже противоречащих друг другу дискурса представляют единство философского тупика, результатом которого есть теоретическое оправдание хаоса как в онтологии, так и общественной жизни. При этом в данной работе мы упускаем преимущества и даже достижения того или иного направления в истории философской культуры и акцентируем на те просчеты, которые подрывают или закрывают философскую перспективу.

К примеру, постмодернистская философия не только деконструировала классическую философию, что, с одной стороны, является ее величайшей заслугой, но, с другой стороны, – привела к интеллектуальному параличу философскую мысль. Но главное, что, несмотря на заведомо почти невербализованный крайний релятивизм, постмодернистское направление в современной философской мысли парадоксально получило почти догматический статус, запрещающий всякую возможность концептуального мышления. Фрагментарность, отрицание любой онтологической основы превратилось в интеллектуальную идеологию, следствием которой является невозможность не только любого целостного концепта, но и вообще какой-либо мысли. То, что мы называем мыслью, для постмодерниста лишь «след», «знак» того, что в какой-то форме уже существовало. Это такая своеобразная компилятивная «игра» или «складка» пустоты, в которой мышление просто невозможно. Если кредо модернизма можно определить известным «я думаю, а значит, я существую», то постмодернизм можно определить в смысле «я не думаю, а значит и не существую». То есть, ведя сознательную борьбу с любой

тотальностью, постмодернизм выражает крайнюю форму нигилизма или модернизм наизнанку.

И хотя с точки зрения анализа истории философской мысли деконструкция постмодернизма выполняет положительную роль, то с позиции обозначения философской перспективы постмодернизм провозглашает «Смерть философии». Постмодернизм – это философское направление, которым невозможно воспользоваться в процессе даже попытки выстраивания мнения, потому что он отрицает какой-либо конструктивизм как искусственный, антропоморфный, относительный и ограниченный субъективностью. Постмодернизм с методологической точки зрения – тупик философии. Именно он привел к распространенным нарративам «постфилософии».

А так как постмодернизм отрицает какие-либо универсальные категории, на интуитивном уровне понятно, что современная философия живет за каким-то другим пределом. Известно, что античная, средневековая и новая европейская философия не называла себя «классической». Она отождествляла себя с «метафизикой». Следовательно, на смену этой философии должна прийти «постметафизика»? Д. Гаспарян отмечает: «...Не следует ли тогда понимать «постметафизику» буквально как «постфилософию» и не означает ли это «пост» – конец философии?» [1, 8].

Но герменевтическое поле «постфилософий» еще больше приводит к размыванию смысла этого слова. «Для таких мыслителей как Рорти и Деррида, словосочетание «после философии» обозначает период, когда платоновская традиция теряет свое тотальное господство в европейской культуре. Для мыслителей, подобных Хабермасу, это словосочетание означает, что философия диалектически «снимает себя», как об этом писал Маркс в своих социальных исследованиях. Для мыслителей, подобных Гадамеру и Рикеру, данное словосочетание означает такое продление жизни философии, которое достигается ценой ее трансформации в философскую герменевтику, или, как это имеет место в случаях с Макинтайром и Блуменгером, в особый вид философской историографии. Наконец, для таких мыслителей, как Дэвидсон и Дамид, словосочетание «после философии» означает продолжение философии в такой форме, «теория значения» которой пока еще нам не совсем известна» [3, 6].

Кроме того, терминологический хаос современного философского топоса имеет достаточно выраженные географически-культурологические коннотации. Так, в англоязычном философском сообществе предпочитают говорить об «аналитической» и

«континентальной» философии. Для французов ближе понятие «метафизика» и «постметафизика». При этом последний термин чаще используется по отношению к таким направлениям как «структурализм» и «постструктурализм». Для немецкой философии более характерен разговор о проекте «модерна» и «постмодерна».

В современной постсоветской философии, а значит и в отечественной украинской философской мысли наиболее распространены термины «классика», «неклассика», «постнеклассика». Основателем такой «периодизации» является российский исследователь В. Степин. Как отмечает сам автор «в 1989 г. в журнале «Вопросы философии» была опубликована моя статья, в которой я предложил различение классической, неклассической и постнеклассической рациональности. После этого прошло двадцать лет. Понятие «постнеклассика» постепенно укоренилось в философском дискурсе, и сегодня его применяют при характеристике различных форм и видов познавательной деятельности» [5, 1].

Но в смысле философской парадигмы «постнеклассика», несмотря на информационно-синергетический дискурс, по своей сути является скрытой классикой или «неоклассикой» в форме редукционно связанных классических и неклассических методологий.

Так, с самого начала анализа в статье «Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения» В. Степин использует редукцию «видов познавательной деятельности» к типам рациональности. Сначала он сужает весь спектр познавательной деятельности к типу рациональности. А потом В. Степин вводит критерии различия типов рациональности исходя из «типа системной организации». Редукция типа рациональности к типу систем, является попыткой соединить «неклассику» с классической парадигмой абстрактного универсализма идеалистической гегелевской системы и материалистической системы марксизма одновременно.

Особенно просматривается попытка применения классического марксистского диалектического материализма, который из постулата существования материи выводит типы ее самоорганизации. «Для освоения объектов, организованных как простые системы, достаточно классической рациональности. Неклассический тип рациональности обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем, постнеклассический – сложных саморазвивающихся систем» [5, 2].

Если для естественных наук такой инструментализм вполне может рассматриваться как этап современного формирования теоретических методов исследования, то в философии любые попытки формирования эссенциалистской онтологии относятся к классическому

философствованию. И поэтому в данном случае использование терминов «неклассический», «постнеклассический» тип рациональности по сути есть симулякр «классики».

Поворачивая на рельсы позитивизма, которым марксизм пытался преодолеть идеалистическую немецкую философию, В. Степин демонстрирует абстрактный эссенциализм классической метафизики. Известно, что при этом позитивизм делает акцент на фиксации «фактов», что стало и предметом осмысления уже неопозитивизма. Сознательное отвержение классическим позитивизмом онтологической проблематики оставило сциентистское мировоззрение в контексте логоцентризма, зависшего над бездной ничто. Поэтому попытка теоретического решения онтологической пустоты неопозитивизмом не могла не двигаться в классической модернистской парадигме. Нужно было опираться хотя бы на разработку эпистемологии.

Марксизм теоретически развивается параллельно позитивистской логике, усложняя при этом толкования материи в зависимости от объектов познавательной деятельности. Системно-структурный подход, который демонстрирует В. Степин, пытается теоретически зафиксировать уровни системной организации.

Относительно попытки использования инструментального метода в той или иной сфере научного познания вряд ли можно сказать что-то негативное, если его не абсолютизировать. Но В. Степин, сначала редуцировал философию познания к научному познанию (позитивизм), потом начинает некорректно расширять системно-структурный метод до процессов формирования идеала и нормы научности как таковой. «Для классической, неклассической, постнеклассической рациональности характерны различные интерпретации идеалов и норм научности» [5, 2].

В основу идеала или нормы научности В. Степин возлагает «научную картину». В ней он определяет три образа «научной картины». Первый – механицистский образ мира, сформированный классической физикой. Второй – релятивистский образ сложных саморегулирующихся систем, сформирован неклассической физикой, биологией и особенно кибернетикой. Наконец третий тип научной картины определяется как модернизированная синергетикой форма эволюционной концепции. В ней четко прослеживается марксистская форма материализма. Эволюционный универсум неживой и живой природы, вместе с обществом составляет «концептуальное ядро современной научной картины мира» [5, 21]. Синергетический подход действительно указывает на холичность систем. Но, с другой стороны,

даже такой холистический прагматизм сциентистского мировоззрения включает в себя онтологический абстракционизм классической философии. Интересно, что в этом смысле категория «система» является общей с системным логоцентризмом Гегеля. Не случайно, что именно на гегелевский источник философского осмысления особенностей саморегулируемых систем обращает внимание В. Степин. «Но по отношению к естествознанию категориальная сетка описания развивающихся систем, предложенная Гегелем, долго время оставалась избыточной и лишь в наше время, с развитием синергетики и современной биологии, обнаруживается изоморфизм содержания ключевых гегелевских категорий и понятийного каркаса описания процессов самоорганизации» [5, 46].

При этом, акцентируя на значении человеческой деятельности в неклассическом типе рациональности, провозглашается именно постнеклассический тип рациональности. А именно «в поле этой рефлексии включается проблематика социокультурной детерминации научной деятельности. Она рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями» [5, 51]. Таким образом, детерминация механицистской научной картины меняется детерминации социальной. Он указывает на аксиологический контекст гносеологических подходов, который, несомненно, существует уже в неклассическом типе рациональности, но в «постнеклассике» закладывается своеобразный антропоцентрический детерминизм. «С этих позиций постнеклассическую рациональность можно оценить, как точку роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, которая открывает новые перспективы для диалога культур» [5, 54].

Поэтому третьим критерием различения «классики», «неклассики» и «постнеклассики» является «особенности ценностно-целевых структур субъекта деятельности» [5, 2]. В данном случае В. Степин использует деятельностный подход, что характерно для неомарксизма. Не случайно именно вторым критерием, который вводит Степин для различения «классики», «неклассики» и «постнеклассики» является метод деятельности.

Деятельностный подход в 70-е годы XX в. теоретически разрабатывал В. Иванов. Он утверждал, что «как всеобщий способ человеческого бытия, деятельность субстанциональна, она не может быть подчинена более общей, родовой категории» [2, 118]. И далее: «Как оказалось, всю гносеологию и ее центральную ось – отношение мышления к бытию – следовало переосмыслить в более широком, можно сказать, внегносеологическом масштабе, вывести из

предпосылок, которые сами по себе не принадлежат ни только бытию, ни только мышлению. Иначе говоря, предстояло открыть своеобразную онтологию самого гносеологического отношения» [2, 129]. Основой онтологии В. Иванова становится категория опыта. И далее он развивает действительно неомарксистский подход, в которой философски разрабатывается уже особый статус субъективности: «Субъективность и надлежит понять именно как кардинальный сдвиг в центрировании сущего, благодаря которому сущее «в себе» становится, существованием уже для некоторой новой «сущности» [2, 41]. Потому что «это – тот фундаментальнейший поворот, на котором свойство самоорганизации живых систем уступает место механизму самоконтроля, что означает возникновение «отношения» к самому себе, становление «самости», субъективности с ее имманентной способностью быть «для себя» [2, 37].

Эта активность субъекта в классическом марксизме действительно имеет возможность толкования в неклассическом варианте. Но В. Степин все же не доходит до того положения, на который выходит В. Иванов. В. Степин использует не столько неомарксистский подход с философией субъективности сколько конвенциональный метод, который был активно принят неопозитивизмом и прагматизмом. Не случайно, вводя конвенциональный критерий различения, В. Степин больше опирается на теорию структурных революций Т. Куна, который и сделал понятие «парадигма» наиболее популярным термином теоретической науки второй половины XX и начала XXI века.

Доминирование ценностей конкретной культуры, конечно же, оказывает свое влияние на восприятие и толкование не только научных, но и всех сфер человеческой деятельности. В данном случае мы можем говорить о необходимости теоретического переосмыслении «субъективного», об онтологии личностного, что и стало основой «неклассической» философии. Если классический подход в философии и науке в своей основе опирался на «объект», при этом недооценивая «субъект», то в «неклассике», начиная с И. Канта, (метафизика субъекта), потом от Кьеркегора (экзистенциализм) и в течение всего XX века в философии развивается то, что получило название «неклассической философии». В центре философских дискурсов становится проблематика «философии субъекта». При этом неклассическая физика начала XX века параллельно обосновывает теоретическое значение субъекта природоведческого исследования.

Но онтологической основой В. Степина становится синергетическая концепция развития открытых систем И. Пригожина в

физике. Герман Хакен рассматривает синергетику как междисциплинарную методологию. «Синергетика (англ. synergetics, от греческого. – «общее» и эргос – «действие») – междисциплинарная наука, занимающаяся изучением процессов самоорганизации и возникновения, поддержания устойчивости и распада структур (систем) различной природы на основе методов математической физики («формальных технологий»)» [4, 1]. Это делает ее очень популярной особенно в советской и постсоветской философии, приводит к новой форме «синергетического» типа марксистского эволюционизма. «Синергетика – это теория самоорганизации в системах различной природы. Она имеет дело с явлениями и процессами, в результате которых в системе – в целом – могут появиться свойства, которыми не обладает ни одна из частей» [4, 1].

К основным принципам синергетики относятся:

1. «Природа иерархически структурирована в несколько видов открытых нелинейных систем разных уровней организации: в динамически стабильные, в адаптивные, и наиболее сложные – эволюционирующие системы.
2. Связь между ними осуществляется через хаотическое, неравновесное состояние систем соседствующих уровней.
3. Неравновесность является необходимым условием появления новой организации, нового порядка, новых систем, то есть развития» [4, 1].

В качестве вывода, не прибегая к детальному анализу синергетического подхода, необходимо сказать, что даже с первого взгляда заметны большие совпадения не только с диалектическим, но и историческим марксизмом, где общественно-революционный хаос становится условием формирования более развитой общественной формы в истории.

Но бросается в глаза еще и парадоксальное совпадение «постнеклассики» с постмодернизмом. Следствие постмодернизма – это хаосмос. И не только понятийный, но и реальный. Только если хаос у постмодернистов абсолютный, то у «постнеклассиков» он субстанциальный, или начальный, исходный. Но абсолютный Конец и субстанциональное Начало по содержанию тождественны.

Правда, существуют нюансы в риторике. Постмодернист – это скептик пессимистический, а «постнеклассик» – оптимистичный. Постмодернизм – общепринятый философский тупик, а «постнеклассика» – реальный миф постсоветской, а значит, и современной действующей украинской философии, то есть такого же,

но еще не осознанного, критически не переосмысленного философского тупика, который строит из хаоса.

Поэтому возникает вопрос, а не является ли современный общественный хаос, который переживает наше общество, культура и наука в том числе – результат, реальный плод, который внутренне желала и теоретически обосновывала фундаментальная отечественная наука и философия? А это опять же влечет за собой не только вопрос, но и требует ответа об ответственности представителей философской культуры перед обществом. В условиях, когда современные реформы в образовании пытаются полностью выбросить из обязательных курсов высших учебных заведений философию как базовую дисциплину учебных и научных процессов, возникает вопрос, а не является ли этот тупик, сформированный самой философией?

ЛІТЕРАТУРА

1. *Гаспарян Д. Э.* Введение в неклассическую философию. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 398 с.
2. *Иванов В. П.* Человеческая деятельность – познание – искусство. – К.: Наук. думка, 1977. – 251 с.
3. После философии: Конец или трансформация? / Сост. К. Байнес. – Киев: Четвертая волна, 2000. – 432 с.
4. Синергетика [Электронный ресурс] / Синергетика. – Режим доступа: <http://uk.wikipedia.org/wiki> – Заглавие с экрана.
5. *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика [Электронный ресурс] // Постнеклассика философия, наука, культура. СПб.: «Мирь», 2009. с.249 - 295). – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf – Заглавие с экрана.

Ігнат'єв В. А. «Принцип додатковості» глухого кута сучасної філософії.

Стаття присвячена аналізу постмодернізму в західноєвропейській філософії та дискурсу постнекласичної парадигми пострадянської філософії з точки зору постфілософії. Автор доводить, що обидва дискурси виходять з протилежних основ, завдань і форми вираження, але утворюють єдність філософського глухого кута, результатом якого є теоретичне виправдання хаосу і в онтології, і в суспільному житті.

Ключові слова: постфілософія, постмодернізм, постнекласична парадигма, синергетика, класична філософія, некласична філософія.

Ihnatiev V. A. «The principle of complementarity» impasse of modern philosophy.

The author analyzes the postmodernism in Western philosophy and the discourse of the postnonclassical paradigm in post-Soviet philosophy in terms of postphilosophy. Finally it is proved that both discourses are based on the opposite assumptions, objectives and forms of expression, but represent the unity of philosophical impasse, the result of which is a theoretical justification of the chaos in the ontology and social life.

Keywords: postphilosophy, postmodernism, postnonclassical paradigm, synergetic, classical philosophy, nonclassical philosophy.

Шедяков В. С.

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ
В ЦЕЛОСТНОСТИ АНТРОПОГЕНЕЗА И СОЦИОГЕНЕЗА:
СОДЕРЖАНИЕ МЕХАНИЗМОВ САМОДВИЖЕНИЯ**

Для выяснения условий устойчивого состояния существования и развития культурно-цивилизационных миров изучается содержание механизмов самодвижения ценностно-смысловых комплексов. В процессе восхождения от абстрактного к конкретному исследуются предпосылки анализа, прогнозирования и влияния для осуществления желательных социальных трансформаций. Специальному рассмотрению подвергаются категории самопричины, активности, деятельности, а также диапазон воздействия (в частности, информационного) на объективные процессы в условиях постмодерна.

Ключевые слова: культурно-цивилизационные миры, ценностно-смысловые комплексы, самодвижение, воздействие.

Преодоление глобальных кризисных явлений в развитии человеческой ойкумены требует отхода от экономики и общества бездумного потребительства в пользу обеспечения доминанты рачительного отношения к миру, его экологии (включая и экологию человека). Одной из важных и интересных проблем философии, культурологии, социокультурной антропологии и социологии политики, вокруг которой сломано немало копий и в обсуждение которой внесли свой вклад такие выдающиеся умы, как Николо Макиавелли и Джемс Локк, Томас Джефферсон и Алексис де Токвиль, Фердинанд Теннис и Уолтер Липпман, Юрген Хабермас и Никлас Луман, Пьер Бурдьё и Элизабет Ноэль-Нойман и многие другие, является проблема условий,